

- Вы предполагали тогда, что пишете сценарий шедевра?

- Нет, конечно. Все началось почти случайно. Я нежилась на Ессекском пляже и размышлял о совершенно другом сценарии, когда вдруг получил телеграмму: "Срочно приглашаетесь Москву для работы над сценарием Кончаловскому..." Я прилетел, осознал, чего от меня хотят, и понял: если признаюсь, что никогда в Средней Азии не был, только один раз видел ее в кино, в революции не участвовал и в данной теме не смыслу ничего ровным счетом, то найдут другого соавтора для Валентина Ежова, уже давшего согласие писать сценарий. Мне ничего не оставалось, как изобразить из себя опытного революционного волка... Хотя какие-то намеки на грядущую гениальность были, конечно, с самого начала. Например, мы с Валентином Ежовым написали явно гениальную - с точки зрения ее краткости - сценарную заявку: "Предполагаем написать сценарий с очень активным действием. По всей вероятности, в центре будет любовный треугольник, но не исключены и четыре угла". Это было все. Ну и подписи наши, конечно. Сценарий писался для Андрона Кончаловского, но, как это часто бывает в кино, снял его Владимир Мотыль.

- Сейчас некоторые, особенно рьяно добиваясь исторической справедливости знатоки Средней Азии и революции, утверждают, что, между прочим, ваш Сухов пришел на Восток, неся силу, агрессию и чуждую местным жителям идеологию...

- Этот фильм нравится нескольким поколениям зрителей потому, что людям вообще нравится вечная сказка про то, что существует Зло, которое стремится погубить, и появляется Некто, который может защитить. Эта сказка утоляет генетическую боль, из ненашей еще эры, которая живет во всех нас: наше подсознание помнит, что мы маленькие и беспомощные, и на протяжении тысячелетий нас все время кто-то хочет съесть, и выжили мы только благодаря нашей изощренной хитрости и умению обмануть всех страшных саблезубых тигров, динозавров и прочих враждебных нам чудовищ. Сейчас мир страшен по-новому и полон опасности, и мы по-прежнему нуждаемся в этой сказке, которая, как и всякое серьезное искусство, - художественный слепок мира. Американцы ее эксплуатируют очень эффективно почти в каждой картине. И "Белое солнце..." - вариант той же сказки. Революция в этом фильме - не более чем объективный фон. Она была. А Сухов - это тот самый добрый Некто, которого воля обстоятельств забросила в дальние края, чужие жены ему не нужны, поскольку он любит свою, никаких идей он не распространяет и, отвоевав свое, хочет вернуться домой. Но обстоятельства подсовывают ему этих женщин, нуждающихся в защите, и он их добросовестно защищает. За это его так беззаветно и любят столько лет - и эти женщины, и зрители.

- Вы, когда пишете, ориентируетесь на мнение зрителей, профессионалов или исключительно на свое собственное?

- На свое собственное. Но я абсолютно убежден, что это возможно совместить: соблудности себя, свои критерии, и вместе с тем не забыть о зрителе. Произведение должно быть, как море. И тот, кто не умеет плавать, должен иметь возможность войти и поплескаться у берега. Тому же, кто умеет плавать, надо предоставить достаточную глубину, чтобы он мог заплывать далеко... Многие довольно талантливые люди высокомерны: они предлагают, просто обязывают читателя и зрителя сигануть сразу с трамплина. И если кто-то тонет, не осознав глубины их произведе-

На настоящий момент у Рустама Ибрагимбекова помимо титула родителя первого советского вестерна - "Белое солнце пустыни" еще много должностей и званий. Фильм Никиты Михалкова "Утомленные солнцем", снятый по его сценарию, получил "Оскара", и теперь жизнь Ибрагимбекова, по собственному его выражению, протекает под двумя "солнцами". Но разговор наш все равно, конечно, начался именно с Федора Сухова.

Белое солнце пустыни

дения, они говорят: "А мне все равно". Мне не все равно. Мне отношение к моему сочинению не безразлично. По складу своего характера я очень большое значение придаю тому, что обо мне думают и говорят те, с кем я дружу и общаюсь. Есть люди, которые выше этого, а я зависим от мнения окружающих... Независимость - хорошее качество, но человек должен быть зависим: от своих родных, близких, любимых... До определенного предела, конечно.

- До какого предела? Где он проходит?

- Есть правило "золотого сечения". Законы гармонии, оказывается, подчинены математической формуле и распространяются на все, даже на человеческую фигуру: когда нам нравится чья-то фигура, значит, она скроена природой в соответствии с этой формулой. Звучит правило "золотого сечения" так: отношение общего к большей части должно непременно равняться отношению большей части к меньшей. А в обыденной человеческой жизни оно действует так: еда - хорошая вещь? До определенного предела! А потом уже начинается обжорство. Любовь - хорошая вещь? Замечательная! Но после определенного предела она может превратиться в свою противоположность. Зависимость тоже хороша до какого-то предела, пока не становится "большой частью", и тогда ты уже перестаешь быть личностью, лишаешься главного, чем наделил тебя Бог - свободы, и превращаешься в лакея чужого мнения.

- Вы боитесь этого?

- Конечно. Я всю жизнь боролся в себе с этим. Каждый человек - средоточие всего самого прекрасного на свете и самого страшного на свете. И каждый день ты вынужден вести бой - с самим собой и больше ни с кем, - чтобы сохранить в себе те человеческие ценности, которыми тебя наградила Господь и которые ты сам для себя избрал. Если ты в угоду чьему-то мнению или из соображений комфорта идешь на какие-то нарушения собственной же системы ценностей - это проигрыш. У каждого свои правила, свои критерии. Нет каких-то точных предписаний. То, что можно одному человеку, совершенно нельзя другому... Каждый день в каждом поступке реализуется твоя личная жизненная стратегия, и неизвестно, когда и чем это кончится. Это такая борьба - с самим собой.

- Вы, вообще, по складу характера борец?

- Раньше все были борцами, в то недавнее еще время, которое мы стали уже забывать. Оно было страшно по-своему, но оно, как ни странно, возвышало человека, потому что он боролся с системой. И это была схватка с гигантом. Когда ты пробивал книгу или картину, ты был счастлив, что тебе удалось обмануть некоего страшного дива. А теперь ты зависишь всего-навсего от обычных, но богатых людей, от их вкуса, и, к сожалению, чаще всего этот вкус не лучшего качества... Государство жестоко нам отомстило: "Ах, вы боролись за свободу? Так получайте ее!" И оно кинуло нас на сковороду, на которой давно жарится искусство всего мира. Но там сковорода уже покрыта надежным слоем тефлона - меценатских традиций и цивилизованных отношений... А нас, нас бросили на тоненькую подгоревшую сковородку, которая многих сжигает мгновенно!..

А что касается того, борец я или нет, то в одной из пьес замечательного драматурга Виктора Розова звучала такая формула: люди делятся на пешеходов и всадников. Первые ходят пешком, а вторые движутся к цели верхом на лошади и время от времени топчут пешех. Так вот я себя отношу к всадникам, которые добровольно отказываются от лошади. Мне не нравится пешеход, который не в состоянии оседлать коня. Я люблю силу. Но я еще ценю и способность не пользоваться ею во вред другим. Постоянное укрощение в себе зверя и есть, мне кажется, главное искусство жить.

- Разве так трудно укрощать своего зверя?

- Это кому как. Что такое "добрый человек"? Если эта доброта исходит из слепоты, непонимания чего-то или слабости - для меня это не доброта. Она вынужденная. Для меня человек действительно добр, когда он знает всею цену и все равно старается делать добро. Или - "мужественность". Кто-то бесконечно смел и бросается в бой только потому, что... туповат. А вот если он испытывает страх и находит в себе мужество все-таки совершить поступок... Понимаете, да? Все качества ценны, когда они связаны с преодолением себя.

- Вы считаете себя азербайджанским или русским писателем? Бакинцем или москвичом? Гражданином СНГ или, может быть, Советского Союза?

- Я сейчас скажу, может быть, очень странную вещь, но я - против интернационализма! Человек, не испытывающий любви именно к своему народу, к своей земле, - неполноценен. Но, оставаясь русским, азербайджанцем, шведом, евреем, человек должен понимать, что на этой планетке все взаимосвязано, и чрезмерный национальный эгоизм, желание построить счастье своего народа на несчастье других рано или поздно обернется трагедией... И, конечно же, я считаю себя азербайджанским писателем, хотя многое из того, что я написал, написано на русском. И мне приятно осознавать, что я достаточно органично работаю в российском кино. Что же касается того, бакинец я или москвич, то... Дома у меня, еще в детстве, был учебник зоологии. Там было написано: "Шакал - самый отвратительный зверь". А на следующей странице было написано: "Если есть зверь отвратительнее шакала, то это гиена". Так вот, пользуясь языком того учебника: Баку - самый прекрасный город в мире, но если есть город прекраснее Баку, то это - Москва. И я стараюсь жить и в Баку, где ко мне обращаются "Рустам-бей", и в Москве, где на-

зываются Рустамом Ибрагимовичем, соединяя два моих любимых города в одно целое.

- В каком-то смысле вы живете под двумя солнцами, южным и северным. Нет ли в этом сознательного компромисса?

- Может быть. Компромисс вообще, должен вам сказать, не такое уж плохое слово. Вот, скажем, я - очень хороший семьянин. И очень люблю своих детей. Но при одной мысли, что вся моя жизнь и весь мой опыт общения с женщинами может быть ограничен только семьей, я тут же впадаю в отчаяние. С другой стороны, не будь у меня семьи, я не получал бы никакой радости от свобод холостяцкой жизни. И вся наша жизнь - это поиск достойных компромиссов. Компромисс - это попытка соединить вещи, изначально противоречивые. Ребенок - это компромисс, это по-другому называется. И тогда... тогда на твои похороны достойные люди не придут. Одному моему другу, когда ему было три года, его дед говорил: "Внучек! Жизнь надо так прожить, чтобы на твои похороны пришли достойные люди".

- Когда вы пишете повесть или сценарий, вы считаете, что открываете людям на что-то глаза?

- Каждый раз, когда я сажусь перед листом белой бумаги с намерением что-то написать, я испытываю чувство неловкости, помня, что до меня был Шекспир и все другие великие. Да и сейчас живет достаточное количество хороших писателей. И помогает мне только одно: в этом мире

есть вещи, которые знаю только я. И никто, кроме меня, о них не напишет. В этом смысле мой жизненный опыт не менее ценен, чем опыт Шекспира. И при всем неравенстве наших способностей рассказать о том, что знаю я, могу только я.

- И все это прочтут или увидят и станут лучше?..

- Не знаю. Но хуже не станут. Литература, искусство вообще, мне кажется, мало что меняют в этом мире. Но существуют они, конечно, не для развлечения тех, кто пишет, а для поддержания человеческого начала в людях. Включение их в каждодневную жизнь помогает человеку поддерживать духовную форму. Это как утренняя гимнастика. Занимаясь ею, чемпионом не станешь, но для хорошего физического состояния она необходима...

- Вы боитесь смерти?

- Я эпикурец. Я получаю от жизни - от хорошей погоды, еды, красоты, работы - огромное удовольствие. И пока я его получаю, мне, конечно, не очень хотелось бы умирать. К тому же я достаточно благополучный человек (признаюсь в этом, несмотря на распространенное у нас мнение, что признаком честности писателя в России является неблагополучие). Но все равно, если я перестану работать, я обреку своих близких на финансовые проблемы. И поэтому в этом смысле я боюсь смерти. Мужчина должен уметь содержать семью, зарабатывать деньги. Я помню, как мы с моим братом Махмудом сказали друг другу как-то: "Как же милостив Бог, что дал нам возможность зарабатывать деньги, занимаясь любимым делом!" Это действительно счастье - ты делаешь то, что тебе нравится, ты излагаешь миру свои чувства и мысли, и за это тебе еще и деньги платят!

Илья АВРАМЕНКО,
Яна ЗУБЦОВА

Фото Эдуарда Кудрявникова